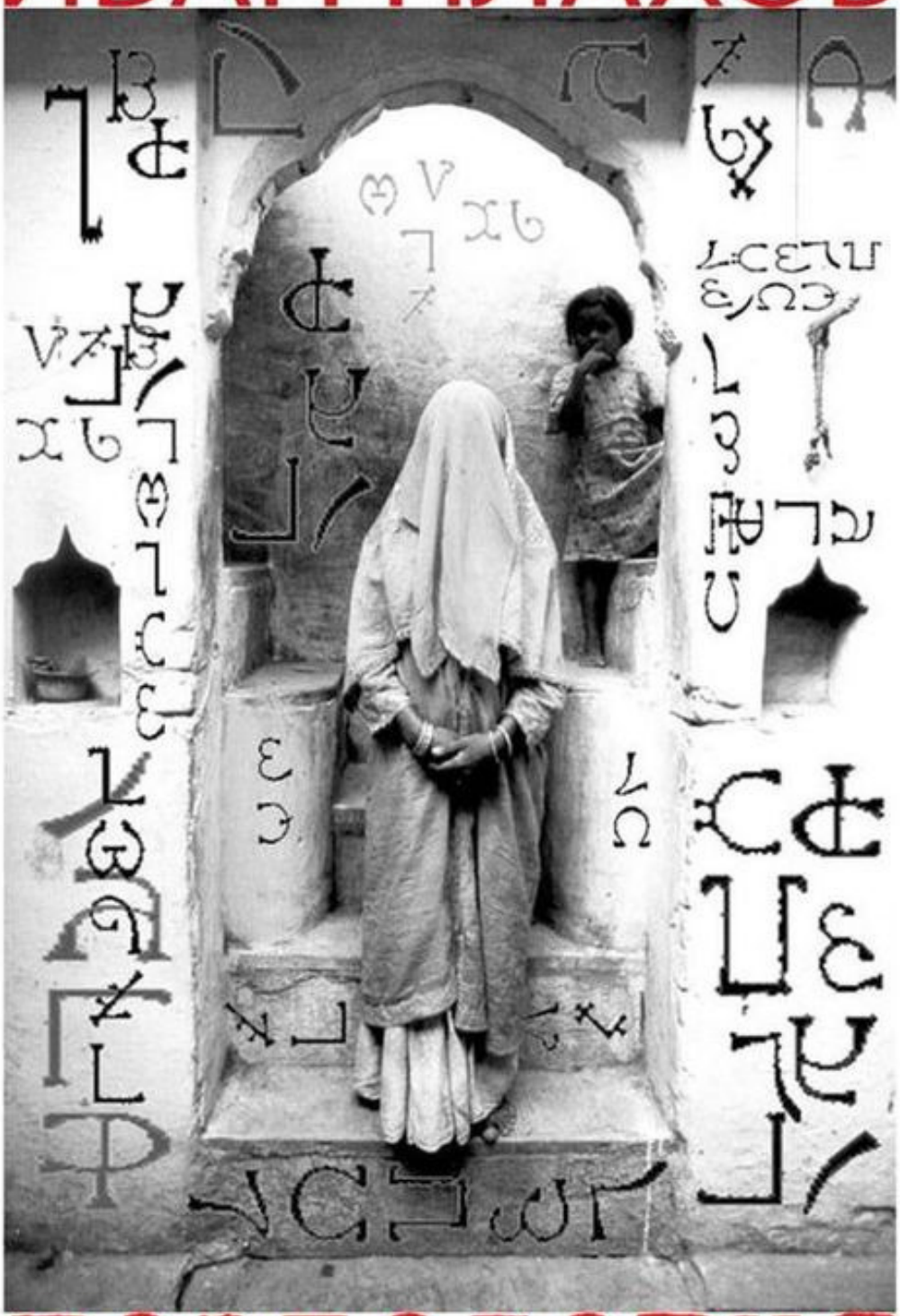
18+

ИВАН ПЛАХОВ

ПОЭТОЛОГИЯ

Иван Плахов

Поэтология. Сказка о деве Люцине, царице в этом мире

«Издательские решения»

Плахов И.

Поэтология. Сказка о деве Люцине, царице в этом мире /
И. Плахов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557558-6

Данная работа посвящена мифологии, которая рассматривается и анализируется автором как врожденная способность человека к «магическому мышлению», под каковым автором подразумевает способность человека к осмысленной речи. Так как и мифология, и поэзия, и философия работают со словом, то автор попытался проанализировать их сходства и различия между собой, а также показать, в чем же собственно заключена сущность мифологии — в желании человека «ввести в мир начало порядка».

ISBN 978-5-00-557558-6

© Плахов И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие предисловия 6
Поэтология I или о поэзии, как предмете мифа 7
Поэты – лжецы 8
Поэты – подражатели 9
Поэты – фальсификаторы истины 10
Поэты-фантазеры 11
Поэты – инструменты слов 12
Поэты – творцы подлинного 13
Поэты – певцы 14
Сказка о деве Луцине – царице в этом мире 16
Пролог 17
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Поэтология
Сказка о деве Люцине, царице в этом мире
Иван Плахов

Александр Колосов *Иллюстратор*
© Иван Плахов, 2023
© Александр Колосов, иллюстрации, 2023
ISBN 978-5-0055-7558-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Данная работа посвящена мифологии, которая рассматривается и анализируется автором как врожденная способность человека к «магическому мышлению», под каковым автором, вслед за Леви-Строссом, подразумевает способность человека к осмысленной речи, т.к. «язык есть человеческий разум, имеющий свои основания, которых человек не знает» (Леви-Стросс). Так как и мифология, и поэзия, и философия работают со словом, то автор попытался проанализировать их сходства и различия между собой, а так же показать, в чем же собственно заключена сущность мифологии – в желании человека «ввести в мир начало порядка», т.к. «магическое мышление – это гигантская вариация на тему принципа причинности». Если в данной книге читатель найдет слишком большое число нескладных стихов, то пусть вспомнит изречение Хризиппа, который считал, что нескладные стихи в комедиях не имеют цены сами по себе, но они, однако, содействуют общему впечатлению, производимому пьесой. Мифологическая, сюжетная составляющая данной работы – всего лишь подложка, черновик для будущей картины, автором которой будет уже кто-то другой, более способный к данному делу, нежели автор данной книги. Автор дарит сюжетную линию книги любому, кто этим заинтересуется.

Предисловие предисловия

Где-то там далеко,
где приходит забвенье,
За изгибом реки,
где вода – будто зелье хмельного настоя из снов,
Меж пологих холмов
вновь я встречу того,
Кто подарит
свое мне прощенье
И укутает саваном
слов в погребальный покров.
Забытье принесет мне
желанную легкость и радость,
Отрекусь от всего,
что так тянет меня к бытию,
Обрету вновь покой
и забвеньем упьюсь себе в сладость
Чтоб забыть навсегда
те места, из которых сюда возвращусь.
Побреду по следам
утекающих вод до слиянья
Четырех вечно тихих
и вечно влекущих стихий,
Там, у озера, встречу источник,
водой ключевой смою с тела усталость,
Облачуся в покровы из кожи
и вновь в переменчивый мир удалюсь.
Где-то там, далеко,
где приходит забвенье,
Где вода – будто белый,
хмельной, ароматный настой,
Будет ждать меня тот,
у кого попрошу я прощенье,
Тот, кто дарит пришедшей душе
так желаемый ею покой.

Поэтология I или о поэзии, как предмете мифа

«– Извольте, вы можете назвать это бессмыслицей,
но уж если говорить о бессмыслицах,
слыхала я такие,
по сравнению с которыми
в этой не один смысл,
а множество, как у слов в словаре».
Льюис Кэрролл,
«Зазеркалье (про то, что увидела там Алиса)»

***

Со стороны автора было бы непростительной глупостью заявить, что предметом данного изложения будет поэзия, т.к. о данном вопросе написано больше, чем о чем-либо еще в истории человеческой мысли, – если, конечно, не считать вопроса о Боге и о природе видимого бытия. Но ведь поэзия и начинается с глупости, с отказа от житейского, привычного опыта бытия и приведения себя в состояние юродства, некоторого преизобильного духовного жития. При этом необходимо заранее оговориться, что данное поэтическое духовное житие – это не снискание или, иначе говоря, стяжание св. Духа монахов и отшельников, а именно отдельное, ипостастное, сущностное бытие человеческого сознания. Это в некотором роде пребывание в собственном доме из слез и слов, в котором видимая жизнь трансформируется в образы инобытия, доступные нам как предчувствие, пред-верие иного мира, не доступного, но страстно желаемого. И главным поэтическим органом в человеке, безусловно, является его душа, но не разумная ее часть, а именно страстная. Ведь поэзия – это некий вид безумия, поглощающий разумную часть человеческого существа внутренними страстями и красотою слов, вакханалия чувств. Но ведь всякая «вакханалия есть счастье, ставшее нормой». Человек как бы лишается способности сопротивляться тому, что в него привходит извне в виде образов и звучаний, поглощая порою все существо поэта и буквально делая его рабом инобытия. Но не будем смешивать эти две вещи в человеке. Попросту говоря, «поэт начинается там, где кончается человек. Судьба одного – идти своим „человеческим“ путем; миссия другого – создавать несуществующее. Этим оправдывается ремесло поэта. Поэт умножает, расширяет мир, прибавляя к тому реальному, что уже существует само по себе, новый, ирреальный материк. Само слово „автор“ происходит от „auctor“ – тот, кто расширяет» (Ортега-и-Гассет). При этом то, что привходит в поэта, есть иное по отношению к обыденному, природному существованию его как человека, каковой, безусловно, без поэзии прожить может и в ней не нуждается. Ведь наверняка каждый из читающих эти слова может вспомнить кого-либо, кто за всю жизнь ни разу не прочел ни строчки поэзии и в жизни ее сторонился, как чего-то для себя неприемлемого. Итак, поэзия не есть необходимосущее для человеческого бытия, как, к примеру, хлеб или тепло, или иные материальные блага. Отчего же тогда происходит поэзия, что побуждает человека нормального на время становиться поэтом, испытывая некое помрачение? Рассмотрим данный вопрос по порядку, взяв за основу самые распространенные точки зрения в порядке их возникновения.

Поэты – лжецы

«…ведь тут творят призраки,
а не подлинно сущее».
Платон.

Первым по данному вопросу высказался Платон и в своем «Государстве» однозначно признал поэзию некой разновидностью лжи: «Все поэты, начиная с Гомера, воплощают лишь призраки добродетели и всего остального, что служит предметом их творчества, но истины не касаются», но лжи настолько пленительной, что с ее не всегда хватает человеческих сил бороться: «мы скажем о поэте: с помощью слов и различных выражений он передает оттенки тех или иных искусств и ремесел, хотя ничего в них не смыслит, так что другим людям… кажется , что это хорошо сказано, – так велико природное очарование этого. Но если лишить творения поэтов всех красок, мусического искусства, тогда… в таком обнаженном виде… разве они не похожи на лица хоть и молодые, но некрасивые, т.к. видно, что они уже отцвели». Эта магия перевоплощения, когда даже неблаговидное посредством поэзии приобретает притягательный, желаемый характер очевидным образом проистекает от того, что поэзия апеллирует к неким стихийным, добытийным частям человеческого существа: «испытывает удовольствие и удовлетворяется поэтами то начало нашей души, которое при собственных наших несчастиях мы изо всех сил сдерживаем, а ведь оно жаждет выплакаться, вволю погоревать и тем насытиться… мало кто отдает себе отчет в том, что чужие переживания неизбежно для нас заразительны. Будь то любовные утехи, гнев или всевозможные другие влечения нашей души – все это возбуждается в нас поэтическим воображением. Оно питает все это, орошает то, чему надлежало бы засохнуть, ». Такая очевидная связь с неразумным, страстным началом в поэзии, помрачающим всякий умный свет в душе поэтующего до чувственного, обусловило уже тогда Платона произнести свой знаменитый приговор: «искони наблюдался какой-то разлад между философией и поэзией», дистанцировав первое от последнего, хотя философы, так же как и поэты, необходимым образом обращаются к слову, как источнику познания сущего. Но образом, вдохновляющим поэтов творить, является ритмическая основа слова, его кальное (от греч. «муза», как производное от «метида», что значит мысль), вербальное начало как звукового . Философы же апеллируют к нему как , понимаемому как ипостастное существование инобытия в виде первичных неизменяемых понятийных значениях, разложение которых приводит лишь к исчезновению первоначального смысла слова. *очарованием под впечатлением его слов и устанавливает его власть над нами музы знака символу*

Поэты – подражатели

«… все это в целом не что иное, как подражания»
Аристотель.

Философия, ревнуя поэзию к слову, постаралась осознать природу поэзии как вторичную, неподлинную, устами Аристотеля сформировав категорическое мнение о том, что:» – все это в целом не что иное, как (копирования); различаются же они между собою трояко: или разными средствами подражания, или разными его предметами, или разными, нетождественными способами». Подражает же поэзия очевидным образом философии, т.е. науке о первичной природе слова, «пользуясь ритмом, словом (как звуком) и гармонией или раздельно, или вместе». Но так как не совсем было ясно, отчего же с некоторыми из людей случаются поэтические приступы, то Аристотель предположил, что подражание является частью психологической природы человека, на уровне рефлексов заложенная в его личность еще с детства: «Породили поэтическое искусство явным образом две причины, и обе естественные (т.е. природные). Ведь подражать присуще людям с детства: люди тем и отличаются от остальных существ, что склоннее всех к подражанию, и даже первые познания приобретают путем подражания, и результаты подражания всем доставляют удовольствие. И вот, так как подражание свойственно нам по природе не менее чем гармония и ритм, то с самого начала одаренные люди, постепенно развивая свои способности, породили из своих импровизаций поэзию». Последовательно развивая свою точку зрения, Аристотель установил, что «распалась же поэзия на два рода сообразно личному характеру поэтов… более важные из них подражали прекрасным делам подобных себе людей, а те, что попроще, – делам дурных людей». Поэтому трагедию и эпопею Аристотель считал «подражанием действию важному и законченному», в котором очевидно, по его мысли, должны быть всенепременно представлены люди благородные, а «комедия же есть подражание людям худшим, хотя и не во всей их подлости» и действовать в ней должна «некоторая ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное». Правда, справедливости ради, нужно признать, что Аристотель не смог не констатировать, что «задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости». Формируя цель написания поэзии он проговаривается даже до того, что отводит ей роль того, что производит «посредством и очищение подобных страстей», т.к. понимает, что «ужасом приоткрывается Ничто» в связи с тем, что само «человеческое присутствие означает: выдвинуться в Ничто» (Хайдеггер). *подражания сострадания страха*

Поэты – фальсификаторы истины

«А мы, – вопрошает поэт,
– должны ли мы
будем всегда находить поэзию
лишь по ту сторону истины?»
Метерлинк.

Любой, даже самый пристрастный почитатель поэзии, вынужден согласиться с тем, что то, о чем толкует нам поэзия, не имеет ничего общего с реальной жизнью, т.е. в любом подлинно поэтическом по необходимости должен присутствовать : посредством ли сюжета, слова или описываемого чувства, – в противном случае данное словесное произведение не может быть воспринято как поэтическое. Поэт всегда вынужден брать , т.е. действительное в своем бытие, и трансформировать его в некое , т.е. действенное в своем сознании, для того, чтобы получить поэтический результат. Собственно говоря, действие поэзии состоит в трансформации истинного в ложное посредством выворачивания действительности наизнанку, в процессе движения каковой от истинного к ложному и происходит магия преобразования слов, как знаков сущего, т.е. вещей, в слова, как символы инакосущего, т.е. идеи. «Да, всегда, везде и всюду будем находить мы поэзию не по ту сторону истины, ибо это невозможно, т.к. мы не знаем, где именно она обретается, а по сторону тех ничтожных повседневных истин, которые мелькают перед нами. Красота, которой мы наделяем некий момент нашей жизни, научает нас распознавать его действительную красоту и величие, открыть которые нелегко, ибо они находятся в определенных отношениях к законам и общим, вечным силам природы», утверждал Метерлинк, т.к. очевидным образом желание истины приводит человека к тому, что «мы срослись с ложью, с поэзией произвольной и нереальной и, за неимением лучшего, мы можем чувствовать только в фальсифицированной истине». *произведении вымысел истинное иллюзорное упоение*

Поэты-фантазеры

«Мы распознаем их (бесов)
на основании помыслов
и распознаем помыслы
на основании их предметов».
Св. Евагрий

«Это мнение о своей вдохновенности, называемое обычно особым внушением, очень часто возникает после какого-либо счастливого открытия ошибки в том, что общепризнано. Не зная или не припоминая, каким именно путем они дошли до этой частной истины (как они полагают, ибо очень часто наталкиваются на ложь), люди поклоняются самим себе, считая, что пользуются особой милостью всемогущего Бога, который открыл им эту истину- сверхъестественным путем – путем внушения. И так как при последовательном ряде человеческих мыслей в вещах, о которых люди думают, нельзя заметить ничего, кроме того, что они в чем-то сходны между собой, или чем-то различаются, или служат какой-то цели, то о тех людях, которые замечают сходства вещи, в случае если эти сходства таковы, что их редко замечают другие, мы говорим, что они обладают большим умом, под каковым в данном случае подразумевается большая фантазия.

В хороших поэмах, будь то эпические или драматические, точно так же в сонетах, эпиграммах и других пьесах требуются как суждение, так и фантазия, но фантазия должна больше выступать на первый план, так как эти роды поэзии нравятся своей экстравагантностью, но они не должны портить впечатления отсутствием рассудительности.

Тайные мысли человека распространяются на все вещи: священные, светские, чистые, бесстыдные, серьезные и легкие, не вызывая чувства стыда или осуждения, но если другой человек стал бы писать свои экстравагантные или забавные фантазии о тех же самых вещах, то он уподобился бы человеку, который, упав в грязь, пришел бы и представился в таком виде хорошему обществу. Вся разница между первым и вторым случаями состоит в том, что во втором случае отсутствует рассудительность. Точно так же в явно игривом настроении ума и в знакомом обществе человек может играть звуками и двусмысленными значениями слов, и это очень часто случается при соревнованиях, исполненных необычайной фантазии, но в проповеди, или публичной речи, или перед незнакомыми людьми, или перед людьми, которых мы обязаны уважать, не может быть жонглирования словами, ибо его сочли бы сумасбродством, и разница тут тоже лишь в отсутствии рассудительности. Так что там, где не хватает ума, дело заключается не в отсутствии фантазии, а в отсутствии рассудительности. Поэтому суждение без фантазии есть ум, но фантазия без суждения умом не является» (Т. Гоббс).

Поэты – инструменты слов

«Пишущий стихотворение
пишет его потому, что язык
ему подсказывает или просто
диктует следующую строчку».
Бродский.

Словами можно не только называть вещи и разговаривать с себе подобными, но и при известных условиях посредством слов можно слагать стихи. При этом некоторое упорядочивание слов и их взаиморасположение в правильном звуковом порядке приводит к возникновению внутреннего ритма в словах, придавая им особое, выходящее во вне обычного их значения, звучание, – как вербальное, так и понятийные. Тогда в словах начинает выступать наружу некий добытийный, сверхчеловеческий элемент их бытия. Поэтому не случайно данный порядок слов люди изначально назвали стихами, самим именем породнив его со стихией: слово «стих» происходит от греческого stichos, – «строка, ряд», но и слово «стихия» происходит от греческого stoichia – множественная форма от stoicheion, что значит «элемент, материальное начало»; при этом и стиху и стихии родственно греческое stoichos – «ряд», а также stichiro – «упорядочивать», – отсюда с неизбежностью приходится признать, что стихосложение есть процесс упорядочивания слов посредством приведения их в изначальный порядок. Именно гармоническое (от греческого harmos – «соединение») расположение слов превращает их в некое единое, новое состояние, когда логос выступает во вне ипостастно как голос, каковой возвращает слова в их изначальное, славное (от греческого kleos – «слава») гимническое бытие (от греческого humnus – «песнь Богу» или же возможно от греческого gumnos – «голый, обнаженный, неприкрытый») в том смысле, что слово в гимне выступает в своей голой, утилитарной функции призывания и заклинания. Но именно посредством стихов, становясь самосущей стихией, слова начинают сами овладевать поэтом, диктуя ему свою волю. Как сам признался поэт Бродский: «Начиная стихотворение поэт, как правило, не знает, чем оно кончится.… Это есть тот момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее. Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом». Зависимость эта очевидным образом связана с природным устройством человека, как не до конца замкнутой в себе вещи, раскрытой своей внематериальной частью в инобытие: «Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихосложение – это колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения. Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадают в зависимость от наркотиков или алкоголя». Таким образом, человек становится рабом инобытия, которое ипостастно начинает выступать в нем посредством слов, т.е. юродивым для большинства людей, в коем его новое избыточное духовное состояние превалирует над его вещественно-человеческим началом таким образом, что «чуждое, являясь (в душе человека) рядом с умом мешает ему и заслоняет его», потому что «ум в действии есть то, что он мыслит», поэтому поэт мыслить, в обычном смысле этого слова, не может, он становится заложником слов, их вербальным инструментом. В некотором смысле поэзия есть первый, изначальный способ мышления и именно поэтому она возникла раньше философии и объяснила мир во всей полноте посредством слов так, что до сих философия поэзии этого простить не может, но при случае всякий философ готов покинуть свои пеленки разума во имя свободы брожения в лабиринтах фантазии, т.к. разум сушит душу, а фантазия ее увлажняет, а это не маловажно в мире, где все заражено смертельной болезнью, именуемой жизнью.

Поэты – творцы подлинного

«Поэзия – это давать волю вещам».
Алан Милн.

Поэзия, по самой своей природе слова, есть акт некоего творения, т.к. происходит от греческого poises – отглагольного существительного, образованного от poiein – «делать, творить, создавать», т.е. поэзия – это буквально значит «творение», некоторая сделанность. Как верно подметил Хайдеггер: «Мы, , уже не в состоянии взвесить, что это значит, когда Платон решает употребить для обозначения существа всего существующего слово „Эйдос“. Тот же Платон сформулировал и такое мнение: „Всякий по-вод для перехода и выхода чего бы то ни было из несуществующего к присутствию есть поэзия, про-из-ведение“ (Пир), при этом явно дистанцировав от , как самобытного, телесного вырастания стихийного бытия». И поэзия и физика оперирует к стихии, элементарному началу бытия, – как первому восприемлющему любви, но только стихии эти разного порядка. При этом будет не безынтересно вспомнить, что служение музам основали братья Алоады, – первые богоборцы, – дети Посейдона, уделом которого была материальная стихия видимого мира – вода, а дочерями муз были сирены, песни которых были губительны для любого, способного их слышать. Значит ли это, что порядок телесной стихии носит родственные черты и для стихии ментальной? Очевидно, приходится признать, что существуют некие двоичные и троичные связи слов, коды (от слова codex), посредством которых осуществляется становление ментальной реальности. Двоичные связи строятся на смысловом и звуковом противопоставлении, а троичные – на сопряжении двух соседних через третий ключевой член словесной связки. При этом смысловое содержание стиха роли не играет, т.к. стихосложение есть только лишь упорядоченное положение слов, выявляющее их подлинное бытийное звучание – и не более того, как в данном стишке: *поздно рожденные поэзию физики*

где весь смысл сказываемого строится на игре слов и понятий. Если каждое слово в данном четверостишье обозначить просто буквами A, B, и C, то оно начинает выглядеть как некая химическая формула, каковую можно условно назвать простейшей поэтической молекулой.

Желтый глаз ультрамарина
В фиолетовом закате
С наслажденьем отвращенья
Приближает день к расплате,

Поэты – певцы

«Поэзия должна быть горьковата…
а в качестве пряности
во все это необходимо добавлять
элемент шарлатанства».
Венедикт Ерофеев

Этот интерес к формальной стороне слова, когда, тем или иным образом организованное, оно начинает приобретать новое качество подметили еще художники, отмечая, что «форма эта будет производить определенное внешнее впечатление, за которым последует и [В стихах] даже буква становится существом и обнаруживает свою внутреннюю сущность. Буква начинает является как бы маленькой композицией, состоящей из отдельных частей, причем: во-первых, она сама, в своей совокупности, обладает общим звучанием, грубо определяемым как нечто „веселое“, „грустное“, „порывистое“, „увядающее“, „упрямое“, „дерзкое“ и т. д., и т. д.; во-вторых, она состоит из отдельных, так или иначе движущихся черточек, из которых каждая в отдельности обладает своим личным звучанием – „веселым“, „грустным“ и т. д. И какие бы ни были в своем личном характере эти черточки, общее звучание всей буквы остается неизменным. Точно такое же существо представляет из себя и каждое художественное [поэтическое] произведение: состоя из различных звучаний, оно дает в своей совокупности звучание общее, ему неотъемлемо и органически свойственное. Из примера с буквой истекает последствие особой важности – действие буквы двоякое: первое, буква действует как целесообразный знак; второе, она действует как форма, а позже и как самостоятельный и независимый внутренний звук этой формы. И оба эти действия стоят вне взаимной связи друг с другом, причем первое действие чисто внешнее, второе же обладает внутренним смыслом. Отсюда: » (В. Кандинский). *внутреннее переживание. внешнее действие может быть вообще другим, нежели внутренне возникающее из внутреннего звука* .

***

Не является ли тогда поэзия неким процессом алхимизации, преображающим нейтральные элементы слов во что-то качественно новое, в совокупности своей обладающее некой силой. Ведь очевидным образом совокупное качество отдельных слов из «Илиады» явным образом не равно их единому качеству в объеме поэмы. Эта некоторая сделанность слов в поэзии вынужденно заставляет считать ее неким искусством, каковым она на самом деле не является. Ощущение своей полной непричастности миру и реальности – вот что возникает во время действия поэзии. Точнее говоря, внешние и внутренние «реальности» воспринимаются как равнозначно безразличные. Поэтическое восприятие постепенно обнаружило, что все объекты внешнего мира имеют символическое значение, а потому все они равнозначны, а жизнь несет такую же символическую нагрузку, как и смерть. Понятия, которые раньше (в мифологии) способствовали различению объектов по их значимости для наблюдателя, такие, как «хорошее» и «плохое», «люблю» и «не люблю», в поэзии утратили свой смысл. В поэзии утрачивает смысл и ощущение времени. В потоке равнозначных образов можно успеть понять и переварить только сиюминутное, предшествующий опыт – сама память – часто становится просто ненужным, мешающим бременем для поэта. По самой своей сути поэзия есть альтернатива жизни – это использование читателем (common man) чужого эмоционального опыта поэта (marginal man) для достижения психического удовольствия. Через сопереживание, как части

эмоциональной игры, поэт приводит читателя к одному парадоксальному результату – возможности избавиться от своей личности на время, растворив самого себя в чужом творчестве, при этом используя чужие эмоции как наркотик. *вещей*

Поэзия в некоем роде самодостаточна бытием слов, т.к. «лучший способ сочинять стихи – это давать ВЕЩАМ ВОЛЮ» посредством их приз-вания (от слова приз (pris) в значении «цена, стоимость») и призывания (в значении зова, завета, обязательства).

Стоимость же самой поэзии напрямую зависит от того, она нам сказывает, так как то, она сказывает, носит в нас привходящий характер и от нас самих не зависит. Ведь именно так когда-то давно было сказано одним поэтом о другом поэте, что: «Можно ли заинтересовать [читателя] искусным пересказом сюжета? Можно ли нашего современника заставить с художественным интересом следить за героями, нередко действующими по таким совершенно чуждым нам побуждениям? [Все сразу изменится] если мы обратим внимание на то, все рассказано у [настоящего поэта]. Мы найдем у него высокое мастерство художественной речи. Мы найдем ту , которая позволяет поэту сказать больше, чем вообще могут говорить слова, и овладеть которой в наши дни стремятся все пишущие стихи. Он [поэт] постоянно стремится, чтобы звуки выбранных им слов соответствовали тому, что они выражают. Для поэта… [в самом предмете поэзии] есть [только] сплошной ряд изумлений перед властью человека над стихией слов». (В. Брюсов). *как что как власть над словом*

Сказка о деве Луцине – царице в этом мире

«Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской,
Сызнова ныне времен зачинается строй величавый,
Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство.
Снова с высоких небес посылается новое племя.
К новорождённому будь благосклонна, с которым на смену
Роду железному род золотой по земле расселится.
Дева Луцина! Уже Аполлон твой над миром владыка.»
(Вергилий, Эклога IV).

Пролог

Нет силы иль
бессилия
в словах,
Чтоб можно было бы
их применить
для цели
Благой – дать описанье
ясное
начал,
Лежащих
в основанье
Мира.
Все, что можно
было бы
помыслить,
Увидеть
иль
представить,
Все вынуждены
мы в слова
облечь:
Движенья ли
души
иль гроздья гнева,
Молитвенный экстаз
и сердца
боль, —
Все вынуждены мы
в разменную
монету,
в слова чеканить,
В субстанцию
незримую,
которой
Когда-то был
соделан
весь наш Мир,
Описан, взвешен,
мерою
измерен.
Тогда,
в момент
возникновенья,
Прекрасен
был он

и единовиден,
Подобен жидкому,
прозрачному
стеклу,
Сияя в Славе Божьей,
преломляя
на гранях
Формы, в кою заключен
был от начала
промыслом Творца,
Бесчисленные
искры
мыслей-судеб,
Которые затем
себя назвали
Ангелами
И каждая из них
жила лишь отсветом
первичной Славы,
Была тогда лишь
бликом
или тенью Света,
Которым
наполнялось
все вокруг.
В единой,
первозданной
чистоте,
Движимые Любовью
лишь
к Творцу,
Бесчисленные сонмы
Светов,
Молний,
Бликов и Огней,
Энергий
Божьих
Двигались по кругу,
в едином хороводе
совершая
Молебен
благодарственный
Творцу,
Беззвучный, ибо слов еще
никто из них
не слышал и не ведал.
В полной тишине,
в блаженном незвучаньи
всех созвучий,

Сияло в блеске
Славы
Мирозданье,
Готовое принять
в себя
Творца,
Отца и мужа
сразу,
полное любви
К тому,
кого
еще не знало,
Но жаждало
узнать
и полюбить.
И, наконец, раздалось
Слово,
выступив из Бога,
Из Света изступив
в единстве
Полноты
И разнеслось
ликующей
толпой
Искрящихся
лазурным цветом
Светов,
Умов
благих
и огневидных,
Обретших разом
дар звучанья
и созвучья дар,
Собою
без остатка
напоя
Все мирозданье
Полнотой
Любви.
Начав звучать,
уже не в силах
смолкнуть,
Оно все
Мирозданье
взорвало
На тех, кто с ним
себя не мыслил
больше
И на принявших

полноту
Его.
Единая
в своей
телесной сути
Природа
Мирозданья
раздалась
На части две,
неравные
по сути,
Но ставших
через Слово
всем возможным:
Иль даром,
возносящим
до небес,
Или проклятьем,
низвергающим
на землю.
Незримая,
чарующая
прелесть
Наполнила умы
огнем
Любви
Избыток коей
в звуки
слов сложился,
Единой
песней,
нотою одной
Все мирозданье
заставляя
петь:
«Люблю тебя,
Творец
всего живого,
Жених желанный,
Божий Сын
Христос».
Посредством Слова,
будто
покрывалом,
Воздухом драгоценным,
затканным
Сияньем Божьей Славы
Прозрачные, безгрешные созданья,
назвавшие себя

Сынами Бога,
Прияли Образ
Красоты
и Блага,
Как если бы
художник,
пожелав
Стену покрыть бы фреской,
до начала
своей работы
Ее зачистил всю
и огрунтовал
в цвета Преображенья,
И лишь затем бы
начал
рисовать,
Рукою
вдохновенной
нанося
Прозрачным
слоем
краски.
Белизна сияла бы
через
цветов скопленье,
Их наполняя
светом
Чистоты
И соучаствуя
своей природой
в фреске:
Так Слово
облекает
рои мыслей,
Неясным светом
полыхающих
в глуби
Ума иль сердца,
ризой
бытия,
Их оформляя
в ясные
созвучья.
Итак, Творенье
приняло
Творца,
И сочеталося
и понесло
в себе,

Как в драгоценной
чаше,
в лоне Девы,
Царя царей,
начало Бытия —
Божественное Слово.
Часть другая,
удел не меньший
и природы той же,
Осталось глухо к Слову,
предпочтя
молчанье звуку.
Омраченный Свет
почел за благо
для себя
Бежать от Слова,
в этом видя
угрозу для своей свободы:
Ведь мыслил он
себя
саморожденным
И более
высокой
участи —
Началом Света,
Утренней
Денницей,
В сияньи славы
заставляя
меркнуть
Любой иной
из нерожденных
Светов.
Предпочитая
верности мятеж,
а мысли – самоизмышленье,
Желал он сохранить себя
как первое
и высшее творенье,
Ценя себя за то,
что есть
он сам,
Страшась утратить
беспредельность
воли,
Границею, которой
был лишь он,
никто другой:
Не властен указать

тому,
что не назвалось,
Ни Бог, ни Бога антипод,
ни места,
ни причины
его природы.
Ведь в тот же миг,
как мыслишь ты себя
иным Причине Блага,
Перестаешь быть светом,
становясь
лишь призраком ночным,
Бесплодной мыслью,
тьмой,
разметавшейся
над глубиною бездны.
Так явно не приемлет
Света
только Тьма,
А то, что
отказалося
от Слова
Не может быть
ни счислено,
ни именем владеть,
Являясь знаком
лишь дурного
бессловесья,
Звенящей нотою
звериною
в созданиях ночи.
Но вот куда
бежать
Безмолью Тьмы,
Коль все вокруг —
Творенье
Бога,
Прозрачное для Света
и наполненное
Словом Бытия?
Как быть, коль Вечность —
Место
Блага,
Нетленное
владенье
Первобытия?
Противник Слова
и Начальник
Мрака

Избрал Себе
немедля
мир иной,
Противно-ложный
Свету,
поместив себя
И воинство свое
в небытие
пространства,
Которое зовется так
за то,
что в нем простерлась
Бесконечность разрушенья
и самовластье
мыслей и желаний.
Там, в полной тишине,
укрывшись
облаками миражей,
Тягуче-жидких
и обманных
снов,
Сонмы отпавших
ангелов
предались
Иной природе
Самобытия,
Нетленное
на тленное
сменив,
Материй облекшись,
словно
новым платьем,
Прикрыли ею наготу
постигшего
их Срама,
Само-поношенья
стремясь избегнуть
от самих себя.
Лишившись в Свете
места,
Темнота решила
Себе самой
создать
иное место,
Где будет безраздельно
царствовать
она одна,
Сама себя Законом
и Порядком

объявив.
И каждый из отпавших
поспешил
придать
Себе Лик новый,
сообразно
мыслям
и стремленьям
Господствующим
в каждом
из мятежных духов.
Но вот откуда вечное
могло возникнуть
в этом новом зыбком мире,
Где не был
до этого момента
ни бытия
и ни небытия?
Для этого свет
отделить
от Света
Решили
падшие
Умы,
Чтоб из того,
что может
создавать,
Создать себе
иное царство,
ложное
Гармонии
счисления
и Слову Бытия.
Но что есть
отделенный
Свет от Света,
Который омрачился
и утратил
светоностность —
Лишь только внешний
блеск,
сиянье лунное,
Живущее лишь
памятью
о дне,
В котором
получило
зарожденье.
Так и в том свете,

что избрал
себе удел,
Противный свету,
изначальная
его природа
Осталась тою же
безгрешной
и плодоносящей,
Готовая облечь собою все,
во что желает
превратиться он,
Хотя бы это
была бы
даже тьма ночная,
Слепящий мрак
бессветья,
слепота.
Материей
из блеска
обличась
Свободные
умы
торжествовали,
Надеясь в новом
месте
обрести покой.
Однако в той природе
новой,
невещественной еще,
Не ведающей
слова
и числа,
Фантазии
плодиться
начали,
Чудовищами
смутными
роясь,
А каждый
из умов
был принужден
Своей фантазией
одеться,
словно платьем,
И в ней существовать,
меняя
облик свой
Вслед за движеньем
воли

своего ума.
В ночи, когда
спит разум,
миражи
Являются
ужасные
порой,
Но ни один
из них
не может
И сравниться
с тем Ужасом,
что Мраком
был рожден,
Умов, его изведших,
повергнув
в тяжкий жребий
самоистязанья.
Вначале первые
из падших,
желая воплотиться,
Облекшись
новой
плотью
И новый лик
спеша
принять,
Немедля внешность обрели
пространственно —
первичную,
Противную
нетленности
Христа,
Где были и хвосты,
и лапы
вместо рук,
Рога и зубы,
кожа
с чешуей,
Покрытой
мерзкой слизью
и смрадом испарений —
Печальный результат
фантазии
больной
Отвергнувшего
самый ум
ума.
Каждый из восставших

в небытие,
страшась
Себе подобных,
желал
иных себе
Повергнуть
в больший
ужас,
Чем сам был
принужден
от собственной
фантазии терпеть.
Так ночь
рождала
тварь за тварью,
Одна
другой
страшней,
Которые затем,
желая
страхом утвердиться
И властвовать,
вступали
в бой
С себе подобными,
кого
не в силах Слово
Ни называть,
ни описанье
дать:
Настолько то,
что от начала было
во Тьме сокрыто,
Запретно было Слову
и противно
звуку и числу.
Материя эфирных
тел
тогда,
Когда пространство
не изведало еще
ни света, ни добра,
Была лучисто-лунной,
самоосвещая
своим телам,
Первичным детям
света,
бес-словесну тьму
Но лишь затем,

чтоб
обитатели ее
Могли
друг друга
разглядеть получше
Пред тем, как
броситься
терзать
друг друга,
Борясь
за право
самоторжества.
Во тьме царил
лишь Ужас
и Раздор,
Материю эфирных
тел
терзая
И заставляя
литься кровь
и слезы
Объятой болью
плоти
протовещества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.